

Вечный двигатель маразма

Автор:

Дарья Донцова

Вечный двигатель маразма

Дарья Аркадьевна Донцова

Виола Тараканова. В мире преступных страстей #43 Иронический детектив
(Эксмо)

Самая опасная профессия – это писатель! А вы как думали? Вот врывается в офис к мужу Виолы Таракановой некая тетка потрепанной наружности, швыряет едва ли не в лицо брошюру и орет благим матом. Понятно, что у Виолы, как у каждого мало-мальски известного литератора, есть свой личный шизофреник. Но посетительница оказалась ее одноклассницей Любкой Гасконовой! И она утверждает, что Вилка еще в школьные годы завидовала ей и поэтому накропала книжонку, в которой были смачно расписаны всякие семейные тайны и пороки самой Любки и ее мамы – балерины на пенсии. Виола заявила, что подобную дрянь она никогда бы не стала писать – не тот жанр и формат. Тем не менее муж Вилки, Степан Дмитриев, посчитал своим долгом отстоять честь жены и шаг за шагом начал погружаться в семейные разборки семейства Гасконовых. Ох, если бы он только знал, сколько в этих дебрях маразма и кто его вечный двигатель!

Дарья Аркадьевна Донцова

Вечный двигатель маразма

© Донцова Д. А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

«Громко и яростно упрекая какую-то женщину в неумении модно одеваться, ты даешь всем понять, что твои платья намного дешевле, чем у нее».

Я оторвалась от документа и посмотрела на полную брюнетку, сидевшую рядом за столом.

– Маргарита, мне несвойственно осуждать кого-либо.

– Простите, – смутилась Рита, – я случайно произнесла вслух то, что думаю. Читаю комментарии в Инстаграме и диву даюсь. Смотрите.

Перед моим носом оказался чужой телефон.

– Купила вчера новый костюм. И как он вам? – спросила Рита.

– Очень симпатичный, – одобрила я, – пиджак сидит идеально, брюки тоже. Редко так бывает. Много раз пыталась подобрать себе идеальный комплект, но постоянно не получалось. То верх плох, то низ никуда не годен. А вам удалось. И потрясающий цвет, изумрудно-зеленый. Очень люблю такой, но сама не ношу.

– Почему? – удивилась Маргарита.

– Блондинке со светлой кожей и голубыми глазами он не идет, – вздохнула я, – буду походить на кузнечика. И яркий цвет затмит мое лицо. А вы брюнетка, вам изумрудный прямо в масть.

– Комментарии посмотрите, – усмехнулась моя собеседница.

Я погрузилась в текст. «Блин, разАделась жирная куча», «Сорок лет старухИ, а под молодую кАсит», «С такой ж... и в брюках», «Ужас! Ваще веСЧи пАкупать не умеИт», «Даме с такими пропорциями лучше скрывать недостатки, чем подчеркивать их дешевой безвкусной одеждой». Я оторвалась от

увлекательного чтения.

– Ну и ну! Не верьте никому! Вы выглядите в нем сногшибательно. Девушка, которая написала про старуху сорока лет, наверное, учится в школе. Она не понимает, что сама с годами не станет моложе, грустно, когда человеку нечем гордиться, кроме как своей юностью. Большинству критиков надо посоветовать взять орфографический словарь, чтобы проверять с его помощью свои тексты. Правда, абсолютная грамотность не унимает чувства зависти. Та, что безукоризненно составила фразу, тоже вас не похвалила. Интересно, она сама как выглядит?

Я нажала на фотографию с изображением букета роз и воскликнула:

– Аккаунт закрыт.

– Обычное дело, – усмехнулась Рита, – большинство людей, которые злорадно строчат пакости, делают это, перекрыв доступ к своим ресурсам. Но мой сын, несмотря на то что ему всего двенадцать лет, большой умелец по части компьютеров. Он мне одну штучку установил. Сейчас.

Брюнетка постучала пальцем по экрану.

– Битте. Мы вошли к интеллигентной особе.

– Ну и ну! – изумилась я. – Это мужчина! Преподаватель истории в вузе! Ой, какой толстый, страшный. Он не имеет права упрекать вас в плохой фигуре, потому что у самого живот размером с «КамАЗ».

– Поэтому и написал, – засмеялась Маргарита. – Мерзости строчат только убогие телом и душой. А кто у нас «сорокалетняя старуха»? Любуйтесь!

– Вот те на! – снова удивилась я. – Да ей шестьдесят, не меньше.

– В профиле написано, что двадцать пять, – развеселилась хозяйка кабинета.

– Что-то мне расхотелось Инстаграм открывать, – пробормотала я, – не хочу «комплименты» читать!

– Виола, дорогая, – сказала Рита, – мы подписали договор. Деньги вам перевели.

– Я не отказываюсь от взятых на себя обязательств, – пояснила я, – просто немного приуныла, представив, что получу в ответ на свои публикации.

– Вам надо обрасти толстой кожей, – посоветовала собеседница. – Извините, оставляю вас на некоторое время одну.

Маргарита вышла из комнаты, я взяла из вазы на столе шоколадную конфету и развернула ее. Пару дней назад ко мне, писательнице Арине Виоловой, обратилось рекламное агентство и за очень приятную сумму предложило стать лицом аппарата «Волшебник». Выражение «лицо аппарата» меня смутило, но госпожа Богданова, которая вела переговоры, пообещала, что оно останется только в документах.

Я внимательно прочитала описание «Волшебника» и показала его мужу со словами:

– Похоже, это полезная штука. Надевается как пояс на голое тело и носится, не снимая, целый месяц.

– Ух ты! – рассмеялся Степан. – Наверное, через тридцать дней счастливый обладатель сего аксессуара будет источать аромат сочного сыра бри, который лично я из-за его запаха, типа носков бомжа, есть не могу.

– С этим аппаратом можно мыться в душе или плавать в бассейне, – успокоила Степу я, – обещают, что он не мешает, пояс мягкий. Правда, он с какими-то кнопочками на внутренней стороне, но они не выпирают, утоплены в «Волшебнике». Ноу-хау будет считать калорийность каждого съеденного продукта, оценивать уровень жира в моем организме...

– У мышей жира нет, – ухмыльнулся Степа.

– Еще как есть, – возразила я, – некоторые из них тучные, словно заматерелые бегемоты. «Волшебник» дает советы по питанию и физической нагрузке. Производители обещают потерю семи-десяти кило.

– Эй, эй, нам этого не надо! – возбудился муж. – Придется сантехнику менять.

– Зачем? – не поняла я. – Как мой вес связан с сантехникой?

– Да напрямую, – ответил Степан, – вытащишь пробку, и тебя в трубу вместе с водой смоеет. Придется заказывать специальные ванны с мелкоячеистой решеткой на отверстиях слива.

Я рассмеялась.

– Мне худеть не надо. В моем случае «Волшебник» поможет избавиться от болезней.

– У тебя их нет, – удивился муж. – Или я чего-то не знаю?

– «Волшебник» – помощник для ведения здорового образа жизни. Он не позволит мне есть один раз в сутки, прикажет питаться дробно, поэтому я не заработаю гастрит, – растолковала я. – Но! Главное! Рекламный контракт! Это очень большие деньги.

– Ну, если так, – пробормотал Степан, – тогда можно с этой фигней походить.

– Придется участвовать в съемках, – вздохнула я.

– Ерунда! – отмахнулся муж. – Поулыбаешься в камеру – и свободна.

– Все не так просто, – заныла я, – нельзя приехать и сразу войти в кадр. Грумер, костюмер, редактор, продюсер, все придут и будут что-то советовать. Ты просто не знаешь, какая это головная боль.

– Тогда откажись! – велел Степан. – Поблагодари агентство за предложение, объясни, что дописываешь детектив и не хочешь отвлекаться.

– Хорошо бы мне и правда последнюю главу дописать, – загрустила я, – но я даже первую фразу пока не придумала. Отказаться от договора легко, но тогда денег не заплатят. А мне они очень даже не помешают.

– Тогда соглашайся, – пожал плечами муж.

Я начала загибать пальцы.

– Рекламная съемка, пресс-конференция и еще кое-какие мероприятия идут в придачу к поясу. Не хочу.

– Отказывайся.

– Денег не дадут!

Степа налил себе кофе.

– Есть договор – есть гонорар. Нет договора – нет гонорара. По-моему, это логично.

– Хотелось бы иначе, – вздохнула я.

– Как? – не понял Степан.

– Нет договора – есть гонорар!

– Отлично. Это возможно.

– Ты шутишь? – спросила я.

– Конечно, нет, – серьезно ответил Дмитриев, – ты не вступаешь в отношения с агентством, а я даю тебе конверт. Видишь, как здорово? Всегда надо пошевелить мозгами, и найдется прекрасное решение любой проблемы!

– Подожди, а тебе кто даст такую сумму? – спросила я.

– В банке сниму со счета, – ответил Степан.

– Не подходит, – возразила я, – получится, что я сижу у тебя на шее.

Степа взял из хлебницы булку.

– Устраивайся там поудобнее. Мне нравится тебя на шее возить.

– Не собираюсь превращаться в болонку на диване! – возмутилась я. – Не желаю складывать ладошку лодочкой и мурлыкать: «Котик, дай зае на колготки».

– У тебя не получится превратиться в кудрявую тихую собачку, – усмехнулся Степан, – ты боевая мышь! А они совсем другие звери, очень вредные, всегда по-своему сделать норовят. Скажи такой: «Мышатина, не прыгай в лужу». Так она нарочно, чтобы доказать свою самостоятельность, туда сиганет и утонет. Из принципа.

Я запустила в мужа диванной подушкой...

Сегодня я приехала в агентство подписывать договор и опять приуныла. Деньги заманчивые, да только нет у меня желания присутствовать на съемках...

– ... А вот и мы с «Волшебником», – возвестила Маргарита, входя в комнату, – сейчас научу, как им пользоваться. Это так просто, что даже писатель детективных романов поймет. Извините, вам придется снять кофточку. Дверь я заперла, никто сюда не заглянет, вас в белье не увидит.

Я покорно стащила тонкий свитерок. Большинство людей, прежде чем что-то сказать, не думают, как к их словам отнесутся окружающие. Рита из этой категории. «Это так просто, что даже писатель детективных романов поймет». И как следует понимать сию фразу? Все, кто работает в криминальном жанре, полные идиоты!

Глава 2

– Ничего сложного нет, – зачастила Маргарита, – пояс снимать нельзя даже на ночь. В нем можно мыться, заниматься спортом, делать что угодно. Под одеждой он незаметен. Это разработка наших ученых. Гениальная. Но поскольку наш народ падок на иностранщину, производитель назвался «Supermegarus».

«Волшебник» можно купить в Интернете. Тем, кто укажет промо-код «Арина Виолова», полагается большая скидка. Как работает пояс? Измеряет у вас уровень жира в теле, сам рассчитывает калорийность рациона, дает совет, что лучше съесть, когда выпить воды и так далее.

– Каким образом прибор, спрятанный под одеждой, прочитает меню? – поразила я.

Маргарита, не останавливаясь, продолжала:

– Отличный вопрос. «Волшебник» – это компьютер, он все знает, по часам вычисляет меню завтрака, обеда и т. д. Когда вы находитесь на улице, трубкой делаете фото, оно же потом таинственным образом попадает в компьютер или айпад. Только не спрашивайте, как это получается. Я не знаю даже, как радио работает. Вот и с «Волшебником» так. Он все узнает. По условиям контракта вам придется сходить со съемочной группой в фитнес-зал. Не пугайтесь. Всего один раз. Провести пресс-конференцию. Фотосессию для журнала. Это все. «Волшебник» у вас на месяц.

– Извините, Маргарита, есть проблема, – остановила я ее, – я не ношу часы. У меня их попросту нет.

Пару секунд Рита смотрела на меня, потом рассмеялась.

– Ах я коза глупая! Когда сказала, что аппарат связан с часами, то имела в виду наручное устройство, которое прилагается к «Волшебнику». Давайте руку.

– Худеть я не хочу, – пробормотала я. – Вдруг пояс мне диету назначит?

Маргарита приложила палец к губам.

– Тс! Это секрет! Мы не активируем «Волшебник». Вам просто надо его носить. И часики. Чтобы все видели. Журналисты пронырливы. Узнают, что Виолова не пользуется тем, что расхваливает, и поднимут лай. Поэтому «Волшебник» во время акции всегда должен быть на вашем теле. Но! Он не будет работать. Все знаменитости так делают! На экране телевизора колу пьют, а в жизни к ней не притрагиваются, но бутылка сладкой гадости у них всегда с собой: в машине, в

сумке. На случай встречи с прессой.

Я решила отказаться от контракта, но тут жирная жаба жадности зажала мне рот своими лапами, и я лишилась дара речи.

Примерно через час я покинула офис рекламной фирмы, села в машину и позвонила мужу, который сразу спросил:

– Ты где?

– Собралась ехать домой, – ответила я.

– Знаешь Любу Рамкину? – задал следующий вопрос Дмитриев.

Я нажала на педаль газа.

– Среди ближайших моих знакомых такой нет. А что?

– Сделай одолжение, загляни ненадолго в офис, – попросил супруг, – хочу тебе кое-что показать.

Я перестроилась в левый ряд и через десять минут вошла в кабинет мужа.

– Ты летела над пробками? – изумился Степан.

– По Москве в наше время лучше всего передвигаться на помеле, – хихикнула я, – но оно неудобное, сиденья нет. Да и под дождем вымокнешь. Рекламщики, с которыми я утром общалась, находятся через две улицы отсюда. Жаль, обе они односторонние, поэтому мне пришлось ездить кругами. А то могла бы еще быстрее добраться. Кто такая Люба Рамкина? Почему ты спрашивал о моем знакомстве с ней?

– Любовь Сергеевна журналистка, – уточнил муж.

Я села в кресло.

– Не могу ее припомнить. Возможно, когда-то где-то мы пересекались. С тех пор как меня стали активно звать в разные телепрограммы, о близком знакомстве со мной заговорили многие.

Степан повернул ко мне айпад, я увидела снимок тетушки неопределенного возраста.

– Узнаешь?

– Нет, – ответила я.

На экране появился новый снимок.

– А здесь есть знакомые? – поинтересовался Дмитриев.

Несмотря на то что прошло много лет с того дня, как фотоаппарат запечатлел группу детей, мне стало не по себе.

– Да.

– Можешь объяснить, по какому поводу был сбор? – не умолкал Степан. – Если я не ошибаюсь, в самом последнем ряду с краю стоишь ты.

– Это день рождения Любы Гаскониной, – сказала я, – она пришла в наш класс то ли на второй, то ли на третий год обучения, уже не помню. Дочь богатых знаменитых родителей. Мать – балерина, отец – дирижер. Имена их я тоже забыла.

– Ксения Петровна и Сергей Николаевич, – подсказал муж.

– Точно, – кивнула я, – они часто ездили за границу, поэтому Люба одевалась лучше всех. Во времена моего детства школьники всей страны носили одинаковую форму, а Гаскониной ее шили в ателье. На всех девочках платья сидели ужасно, на Любе прекрасно. Я ей всегда завидовала до слез. Очень хотела туфельки, как у нее, синтетическую розовую шубку, шапочку с помпоном, портфель с изображением Барби. И саму эту куклу тоже. Ни у кого не было столь волшебных прекрасных вещей, как у Любы. Никто из нас до появления Гаскониной

понятия не имел, что существует красота по имени Барби.

– Вы дружили? – спросил Степан.

Глава 3

Меня внезапно охватила давно забытая детская обида.

– Никогда. Люба считалась королевой. У нее было несколько подруг в параллельных классах, их имен я не помню. В нашем она сблизилась с Наташей Лебедевой и Аней Марковой. У первой отец был журналистом-международником, у второй мать эстрадная певица. Но в кругу тех, кто мог прийти к Гаскониной домой, была и Васенкина, отца она не знала, ее мать работала уборщицей на рынке. Нина была при Любе кем-то вроде горничной, таскала ее портфель, занимала для Гаскониной очередь в буфете, писала контрольные по всем предметам, доклады, кидалась с кулаками на тех, кто смеялся над Любой, обзывал ее надутой индюшкой. За преданность «королева» иногда дарила «прислуге» свои старые вещи. А та, получив их, светилась от счастья.

– Любовь подпускала к себе либо детей знаменитостей, либо тех, кто ей ботинки чистил? – спросил Дмитриев.

– Именно так, – согласилась я. – Гаскониная полагала, что роль ее портфеленосицы очень почетна, поэтому никто от нее отказаться права не имеет. Как-то раз она ко мне подошла с вопросом: «Вилка! Правда, что ты из княжеского рода, твои родители умерли, а тебя отправили в детдом?» Я, тогда маленькая, ничего про князей Таракановых не слышала, известную картину Флавицкого[1 - К. Д. Флавицкий, картина «Княжна Тараканова», год написания 1864-й.] не видела, о том, что мой папенька Ленинид вор и сидит на зоне, а матушка бросила меня в младенческом возрасте, понятия не имела. Поэтому ответила:

– Мои родители умерли. Я никогда их не видела. В детдоме не жила. Меня воспитывает тетя Рая.

– И кто она? – поинтересовалась Люба.

Я удивилась.

– Женщина.

– Ау, Тараканова, кем она работает? – засмеялась Гаскониная.

– Дворником, – пояснила я, – еще людям квартиры убирает.

– А-а-а, – протянула одноклассница, – ясненько. Вилка, сегодня ты отнесешь домой мой пакет со сменкой.

Я пожала плечами.

– На фига мне твои туфли тащить? Свои есть.

– Балда, – рассердилась Люба, – доставишь их ко мне в квартиру.

– У тебя что, руки отвалились? – осведомилась я. – Вроде пока на месте. Сама отопрешь.

На лице Гаскониной появилось удивление.

– Ты отказываешься?

– Если ты заболела и вежливо попросишь дотащить свою сумку к тебе домой, то пожалуйста, – ответила я, – но приказывать мне ты права не имеешь.

Люба быстро ушла, и несколько лет у нас с ней были ровные отношения: ни мира, ни войны. Мы здоровались, но и только. После окончания восьмого класса дневники нам выдавали в день рождения Любы, ее родители устроили громкий праздник, пригласили артистов, накрыли столы. Еще они придумали шутовское вручение дипломов всем детям. Но юмор оказался с душком. Девочке из очень бедной многодетной семьи Оле Тарасовой, которая всегда потихоньку забирала в столовой с тарелок не съеденные кем-то пирожки, булочки, вручили лист с

надписью «Лучший друг огрызков».

– Не смешно, – поморщился Степан.

– По-моему, тоже, – вздохнула я, – но подружки Гаскониной очень громко хохотали. Учителя молчали. Сейчас я понимаю, что они не решились ссориться с влиятельными родителями, которые за свой счет устроили торжество, угостили детей и педагогов.

– А что тебе дали? – поинтересовался муж.

– Диплом «Самая экономная в классе девочка, которая пять лет носит одно и то же платье», – ответила я.

– Да они хамы! – возмутился Дмитриев.

Я усмехнулась.

– Некоторые люди любят говорить другим гадости, а когда на них обижаются, округляют глаза: «Да ты совсем без чувства юмора». Недавно я готовила обед, включила от скуки телевизор, а там какой-то паренек со странным именем, что-то вроде «Модный хулиган», сыпал пакостями в адрес одной певицы. Ладно бы он критиковал ее репертуар, но парень высмеивал вес, рост, цвет волос женщины, которая годилась ему в матери. Ну да, нет у этой звезды оперного голоса, всю жизнь исполняет простые песни, но она популярна, у нее много поклонников. Называя ее творчество «жвачкой для ушей», юноша обидел армию людей, которым певица нравится. И сам-то он ничего хорошего не создал, книги не написал, роли в театре или кино не исполнил, петь не умеет. Не творческий человек, просто пересмешник, который говорит генитальные шуточки, заставляет народ смеяться, произнося через слово «попа». Стадию такого юмора большинство детей проходит лет в пять, но некоторые застревают в ней навсегда. Мне выступление суетливого парня, говорящего гадости в микрофон, не показалось забавным. Тощий насмешник на сцене выглядел одновременно злым, жалким и завистливым. А певицу я от души пожалела. Она сидела в зале, натужно улыбаясь, боялась показать, что ей больно, обидно, изо всех сил демонстрировала, что у нее есть чувство юмора.

– Надо было уйти, – фыркнул Степан, – к юмору это никакого отношения не имело. Вот у Аркадия Райкина были гениальные миниатюры, но он никогда не издевался над конкретными людьми, над коллегами, высмеивал сами пороки: жадность, глупость, взяточничество, скупость. И делал это очень талантливо. Райкин был гениальным актером, он мгновенно перевоплощался. Интересно, как бы тот парень отреагировал, услышав, что кто-то «шутит» так, как он, над его матерью?

Я пожала плечами.

– Не знаю. Может, у него родителей нет? Поэтому он унижает других и считает это весельем? Издевается над походкой пожилой певицы, забывая, что сам к старости артрит получит. У сего юмориста могут родиться дети, а в Интернете ничего не пропадает. Захотят его ребята-подростки посмотреть, чем их папаша на сцене занимался, услышат мат, сквернословие, увидят, как он походку немолодой дамы передразнивает... Мда. Что-то мы с тобой зашли в разговоре не туда. Возвращаюсь к фото, которое ты мне показал. Снимок сделали в конце того вчера с вручением «остроумных» дипломов. Кое-кто из ребят, получив награду, сразу ушел домой. Я тоже решила удрать. Самым неприятным было то, что я на самом деле ходила в одном платье. Ну, не пять лет. Года три. Раисе его отдал кто-то из тех, у кого она полы мыла. Оно оказалось хорошего качества, я считала платье парадно-выходным, надевала его на праздники. Сначала оно доходило мне до середины голени, потом до колена, затем выше его, в конце концов превратилось в неприличное мини. Мы с тобой, Степа, все детство провели в одном дворе, ты знаешь, как мы с тетей Раисой «богато» жили. Ученице Таракановой стоило огромных усилий не зарыдать и не швырнуть «награду» в лицо Любе, которая ее мне с самой лучезарной улыбкой вручила. Я собралась убежать домой, не поев вкуснятины на банкете. Но ко мне подошла Оля Тарасова, «лучший друг огрызков», и шепнула: «Не доставляй богатеньким радости, они ржать будут: «Тараканова заревела и утопала». Улыбнись, пошли в столовую. Там столько всего! Тетя Галя, повариха, знает, какие мы с тобой дипломчики получили, она мне сказала: «Ольгуша, жизнь длинная, ухабов будет много. Учитесь держать удар. Вас защитить некому, поэтому дуть губу – не для Таракановой и не для тебя. Вздернули подбородки, выпрямили спинки и, битте, пожрать, пожалуйста. Помните, у вас за восьмой класс стоят сплошняком честно заработанные пятерки, а Любе, даже с учетом денег ее родителей, только трояки натянули. Лет через двадцать она у метро копейки просить будет, а вы мимо на собственных машинах да в шубах проедете. Господь сирот любит, только им надо оставаться скромными, не злыми и не обидчивыми. Я вам коробочки приготовила. Положила туда все самое вкусное, что на столах есть.

Давайте, мои мышатки, учитесь давать отпор мерзавцам не грубостью, не дракой, а своим вежливым поведением, и продемонстрируйте всем, что вам наплевать на тупые шуточки».

И мы с Олей пошли сниматься на общей фотографии. Я встала с самого края, не хотела оказаться в центре внимания и потом не забрала снимок, хотя их всем детям давали. У меня его нет. А откуда он у тебя?

– Любовь Рамкина прислала, – пояснил Степан, – она сейчас придет. Просила, чтобы ты непременно присутствовала во время нашей беседы. И...

Договорить Степан не успел, дверь кабинета распахнулась, без стука в комнату вошла какая-то тетка.

– Отлично, Вилка, ты тут, – позабыв поздороваться, заявила она.

– Добрый день, – сказала я. – Мы знакомы?

– Делаешь вид, что меня не помнишь? – прищурилась незнакомка.

Я развела руками:

– У меня большой круг общения. Каждый день встречаю много людей. Извините, не хочу вас обидеть, но кто вы?

– Главный редактор журнала «Вся правда о них», – ответила посетительница.

– Очень приятно, – улыбнулась я, – но я временно перестала давать интервью.

– Издеваешься? – прищурилась дама. – Решила мне мстить?

– Никогда ни с кем не свожу счеты. И мы с вами незнакомы, – спокойно ответила я.

– Во врет! – покраснела посетительница. – Хорош прикидываться! Мы учились в одном классе.

Я опешила. Тетушка выглядит пенсионеркой.

– Ишь, Арина Виолова, ты у нас теперь звезда, – зло произнесла незнакомка.

Степан провел ладонью по столу.

– Если вы сидели за одной партой с Ариной Виоловой, то перед вами сейчас не она. Эти имя и фамилия придуманы издательством «Элефант». Писательницу зовут Виола Тараканова.

– Княгиня, значит, – скорчила гримасу Любовь, – голубая кровь, белая кость. А я из слуг, да? Тараканова! Древний род!

Глупый разговор стал мне надоедать. Степану тоже не хотелось в нем участвовать, он произнес:

– Госпожа Рамкина, далее продолжать беседу в подобном тоне нецелесообразно. Скажите, что вы от нас хотите?

– Я ей такой антипиар в своем издании устрою, что книги Виоловой сгниют на складе, – пообещала дамочка.

И тут мне все стало ясно. У каждого мало-мальски известного человека есть свой личный шизофреник. Наступила осень. В это время года активизируются нестабильные психически люди. Нашу гостью надо успокоить, хорошо бы выяснить ее домашний телефон и попросить кого-то из семьи забрать больную.

– Может, попьем чаю? – предложила я, краем глаза наблюдая, как Степан стучит по клавиатуре. – С печеньем, шоколадными конфетами. Можно булочек из буфета принести. Они у нас прекрасные, с маком, корицей...

– Намекаешь на мою полноту? – окрысилась тетка. – Хвалишься своей фигурой? Воровка!

Отлично зная, что с сумасшедшими не стоит вступать в разговор, я все же не смогла сдержать удивления.

– И что я у вас ukrала?

– Название! Оно, кстати, защищено авторским правом, – заголосила Рамкина. – «Вся правда о них». Это мой журнал! А ты! Сперла его! Вот!

Любовь открыла огромную сумку и бросила на стол книгу в бумажном переплете.

– Любуйся! Я всегда хорошо относилась к тебе, а ты меня ненавидела! Дружить не желала. А сейчас еще и оболгала!

Я взяла тоненькую книжонку, скорее брошюрку, увидела на обложке имя автора: «Арина Виолова», название «Вся правда о них», и возмутилась:

– Это не моя книга!

– А чья? – заорала Рамкина. – Чья?

Глава 4

Я повернулась к Степану.

– Можешь открыть список моих детективов, который опубликован на сайте «Элефанта»?

– Пожалуйста, – сказал муж.

Я повернула компьютер к Рамкиной.

– Смотрите. Криминального романа «Вся правда о них» и в помине нет. И, обратите внимание, названия моих произведений чаще всего смешные, например, «Лысая птичка счастья» или «Умка и Тупка». «Вся правда о них» нехарактерное для меня название. В моих детективах, как правило, двести пятьдесят – триста страниц. В книжке, которую принесли вы, всего шестьдесят.

Я открыла самую последнюю страницу.

– Здесь не указано издательство «Элефант», которому принадлежат права на мои произведения. Нет даты подписания книги в печать. Все сделано не так, как надо, и главное, это написала не я! Не затруднит вас пересказать сюжет?

Любовь с шумом выдохнула.

– Вначале идет краткое предисловие, где написано: «Я, известная писательница, впервые решила издать любовно-историческую книгу, рассказать о тех, кто называл себя Гаскониными и выдавал за потомственных аристократов. Я верила своей близкой подруге Любе, и все остальные не сомневались...»

У меня в мозгу словно молния сверкнула.

– Люба Гаскониная?

– Здравсти, приехали, – устало произнесла посетительница, – спасибо, что перестала прикидываться и призналась, что ты прекрасно меня знаешь.

– Но ты назвалась Рамкиной, – только и смогла сказать я, – мне и в голову не пришло, что я вижу свою бывшую одноклассницу.

– Пожалуйста, перестань прикидываться, – попросила Люба. – Как ты могла не знать о книге? За что ты мне мстишь? За хорошее отношение? За нашу детскую дружбу?

Я встала и направилась к окну, в комнате определенно не хватало свежего воздуха.

– Молчишь? – крикнула мне в спину гостья.

Не оборачиваясь, я сказала:

– Ты никогда со мной не дружила, близко общалась с другими девочками, которые надо мной и моим единственным выходным платьем потешались. Давай

честно. Нас нельзя назвать даже приятельницами. Я никогда не приходила к тебе домой, а ты не заглядывала ко мне, мы просто учились в одном классе.

– Что плохого в содержании книги? – спросил Степан.

Я распахнула окно и встала к нему боком.

– Там написано, что моя фамилия не Гаскониная, а Гасконская, – всхлипнула Любовь, – что мои предки служили у князей Гасконовых, а те давали такое прозвище своим верным слугам. И фотографии!

– Какие? – поинтересовалась я.

Люба открыла книгу.

– Вот.

Я вернулась к столу и увидела два снимка. На левом была запечатлена пара. Мужчина лет сорока с хорошенькой девушкой. «Сергей и Ксения Гасконские в день свадьбы» – гласила подпись. На соседнем фото двое уже не молодых людей. Несмотря на возраст, в мужчине легко узнавался Сергей. Он сохранил стройность, буйную шевелюру и манеру смотреть слегка прищурившись. Волосы у него поседели, но это не делало его непохожим на себя. А вот его спутница оказалась другой. Высокая, почти вровень с кавалером дама, очень худая, с продолговатым лицом. Я продолжала читать текст: «Сергей и Ксения Гасконские на вечеринке у дирижера Фролова. Кое-кто может подумать, что мало кому известный горе-дирижер опять женился, и опять на женщине по имени Ксения. Нет, нет. Брак Гасконских, которые всегда представлялись Гасконовыми, потомками князей, никогда не рушился. Но! Сергей Николаевич на снимке – это Сергей Николаевич. А Ксения Петровна – это не Ксения Петровна. Пластическая операция? Дама прекрасно выглядит. Подтяжка – не уникальная операция, она давно поставлена на поток. Давайте внимательно изучим балерину. Глаза ее теперь не расставлены широко, они сдвинуты к носу, у которого тоже другая форма. Овал лица из квадратного стал продолговатым. Лоб вытянулся вверх. Прибавился рост. Это, господа, уже не подтяжка, а кардинальное изменение внешности. Как сделать лоб выше? Подбрить линию роста волос? Так поступали красавицы времен Средневековья. Но зачем это делать? Сейчас Ксения ростом почти вровень с мужем. В день свадьбы она ему едва до плеча достигала.

Конечно, с возрастом рост человека меняется, да только он... уменьшается. Не увеличивается. Связано это со старческими изменениями позвоночника, сокращается расстояние между дисками. Увеличить рост можно лишь одним способом – сломать голени, надеть аппараты Илизарова и растягивать нижние конечности. Это процесс долгий, займет ни один год. Если мы пороемся в гламурной прессе, то увидим там фото бывшей балерины Гаскониной, она, несмотря на возраст, слыла заядлой тусовщицей. Ксения, наплевав на дресс-код, приличия и свои годы, всегда ходила в коротких платьях и прозрачных колготках. Фигуру она сохранила, да и утягивающее белье помогло. На ногах небось есть варикоз, но дама заштукатуривает его тональным кремом. Вспоминается великий Гойя и его «Капричос» «До самой смерти»[2 - Франсиско Гойя, испанский художник и гравер (1746–1828). «Капричос» – серия офортов, сатира на разные темы. Офорт № 55 «До самой смерти» изображает старуху, которая прихорашивается у зеркала.]. Смешно наблюдать за молодящейся старухой, которая одной ногой стоит в могиле. Потом вдруг парочка престарелых весельчаков исчезает, и спустя пару лет Сергей появляется с этой жердью. Вопросец: у Гасконского одна и та же женушка? Да или нет? Если да, то почему так нечеловечески изменилась. Если нет, то куда делась первая Ксения? По какой причине они утверждают, что брак у них один? Мы проверили, развод не зарегистрирован».

Я отложила книгу.

– На мой взгляд, очень зло написано. Мне такие тексты несвойственны.

– Брехня полная, – отрезала Люба, – мои родители никогда не разводились. Страшная баба на втором снимке – это...

– Маришка Ландау, – перебил ее Степан, – певица из Польши. Она победила в Международном конкурсе, который проходил в Праге. Этот же снимок есть в Википедии, только подпись другая: «Дирижер Сергей Гасконин и Маришка Ландау, первое место на конкурсе песни в Праге». Автор книги или перепутал фотоматериал, или нарочно выдал Маришку за супругу дирижера. Вот так возникают многие скандалы. Не тот снимок, ложная информация под ним. Гасконские...

– Гасконины! – покраснела Люба.

– Автор упорно именует ваших родителей Гасконскими, – пробормотала я.

– Когда-то мы говорили друг другу «ты», – скривилась Любовь, – странно выкатать бывшей однокласснице.

– Ты права, – согласилась я, – извини. Просто много лет мы не встречались. Существует экспертиза, которая определяет подлинность авторского текста. У каждого писателя свой слог, любимые словечки. Обожаемая мною Смолякова грешит излишней эмоциональностью. Герои у нее чаще хохочут, чем смеются. Еще она использует инверсию, думаю, неосознанно пишет: «Сказала я», а не так, как положено по правилам: «Я сказала». Пусть эксперт возьмет любую мою книгу, сравнит с той, что сейчас перед нами, и станет ясно: автор этого опуса не Арина Виолова.

– Ты специально накропала ее не в своем стиле, – уже не так уверенно возразила Люба.

Мне неожиданно стало ее жалко.

– Ну подумай сама, зачем мне это надо?

– Из зависти, – ответила Любовь, – ты всегда лишалась аппетита, когда я появлялась в школе в чем-то новом. Глянешь на мои туфли, шапку, шарф, варежки или куклу, пенал, и все! Обедать не идешь.

Я рассмеялась.

– Люба, если бы меня так скрючивало от желания все твое заиметь, я умерла бы от истощения через месяц. Ты постоянно чем-то хвасталась. А в столовую я не ходила по одной причине: в нашем классе считалось дурным тоном есть школьный обед. Учителя злились, кричали: «Родители платят, а вы их деньги на ветер бросаете. Немедленно ешьте».

Но варево в глубоких тарелках выглядело отвратительно, а сосиски плохо пахли. Маленьких еще можно было заставить слопать бурду. А старшеклассники категорически от нее отказывались. Демонстративно пройдя мимо столов, где стояли тарелки с супом, десятиклассники шли в буфет, брали там булочки,

пирожки, бутерброды. По местным законам, тот, кто ел школьную еду, – нищета, с которой было стыдно дружить. А вот у того, кто набирал плюшки, богатые родители, с ним можно на перемене болтать, после занятий в кино пойти. Денег на пончики, вафли и прочие изыски у меня не было, а есть хотелось. Сlopать обед и стать объектом насмешек? Ну уж нет! Я шла в туалет, напивалась там воды из-под крана, заливала бунт голодного желудка, а на вопрос ребят: «Почему в буфет не спускаешься», – гордо отвечала: «Утром много ем, меня заставляют целую тарелку каши слопать. После этого до вечера аппетита нет». О твоих обновках, Люба, я и не мечтала, понимала: мне такое никогда не купят. Зачем хотеть то, чего не получишь?

Степан оторвался от компьютера.

– Любовь Сергеевна...

– Я еще молода для отчества, – рассердилась гостья.

– Люба, – спокойно сказал Дмитриев, – вы не первый раз в разводе.

– Кто виноват, что мужики идиоты? – вспыхнула Гаскониная.

– Сейчас вы свободная женщина, – продолжал Степан. – Журнал ваш, уж простите, тихо умирает. Он существует только в сети, на бумаге нет. Количество подписчиков скрыто, но, судя по тому, что вчера его просмотрело два человека, а в четверг-среду никто не интересовался изданием, оно не особенно популярно. Вы просто переписываете сплетни из соцсетей и мечтаете получать за ознакомление с ними деньги. Но все это можно прочесть в разных местах бесплатно. Личная жизнь у вас не сложилась. Теперь обратим внимание на Вилку. Она замужем за человеком, который ее любит. Успешная писательница. Бытовых и материальных проблем у нее нет. Занимается делом, которое ей по душе, у нее много друзей. Вопрос: зачем госпоже Таракановой вам завидовать?

Я молча слушала Степана. Зависть – чувство нелогичное. Знаю людей, которые, имея все материальные блага, летая на собственном самолете, отдавая за ужин тысячи евро, исходили на мыло, глядя на свою горничную. Почему? Девушка получала скромную зарплату, но выглядела абсолютно счастливой. А дама в мехах и бриллиантах чувствовала себя обиженной, никем не любимой и плакала по пять раз на дню от мысли, что она никому не нужна. Не в деньгах и карьере

счастье, уж простите за банальность.

– Может, сейчас у Вилки в жизни сплошной шоколад, – огрызнулась Люба, – но в школе...

Дмитриев не дал ей договорить:

– Детство давно закончилось.

– Книга, – простонала Люба, – она там пакости написала! Ее небось уже все прочитали! Опровержение дай!

Глаза Любви стали наливаться слезами.

В школьные годы я испытывала к однокласснице сложную гамму чувств. С одной стороны – обиду за ее бесконечные выпады в мой адрес, с другой – зависть к красивым нарядам Любы, которых у меня никогда не будет, в-третьих, у вредины были родители, которые всегда ее защищали, а мне тетка Раиса без устали твердила: «Если с тобой какая-то неприятность приключилась, никого не вини, всегда думай: «Это я сама виновата». А вот у родителей Гаскониной было противоположное мнение: их девочка всегда права, все остальные поступают неправильно. И в детстве мне их поведение казалось очень даже нормальным.

Несколько лет после окончания школы я нет-нет да и вспоминала Любу и, честно говоря, очень не хотела столкнуться с ней в магазине, куда пристроилась мыть полы. В моем аттестате были одни отличные оценки, я могла поступит в институт, но жизнь сложилась так, что мне пришлось искать работу. На какую службу могла рассчитывать вчерашняя школьница, пусть даже и отличница? Но мне вроде повезло, директор одной фабрики искал секретаря. Ни на что не надеясь, я отнесла заявление, была допущена на собеседование к потенциальному боссу и в процессе разговора поняла: отвечать на звонки по телефону не придется, мне предстоит летать с мужчиной по всей стране, спать с ним в одном номере. Я решила, что мыть полы лучше, чем ублажать шефа, и пристроилась в магазин. Жуть, как мне не хотелось столкнуться в залах с Гаскониной. Но, к счастью, она никогда за молоком-хлебом-маслом в эту торговую точку не заходила. Ну а потом я забыла о Любе. И вот сейчас, глядя на тихо плачущую Гасконину, я должна была испытать ликование, настал момент, когда некогда нищая Тараканова на коне, а Люба сидит под мостом в грязной

картонной коробке. Но вместо радости и злорадства меня затопила безбрежная жалость. Я встала и обняла бывшего врага.

– Люба, мы с тобой в детстве плохо друг к другу относились, ну что с подростков взять? Но теперь мы выросли. Пожалуйста, поверь, я и в голове не держала сделать тебе гадость.

Бывшая одноклассница уткнулась мне в плечо.

– Кто же тогда все это затеял?

– Отличный вопрос, – вздохнул Степан, – самому очень интересно. Сейчас придет...

Дверь открылась, появился Юра Шкатулкин, наш компьютерный гений. В двенадцать лет Юра получил в подарок ноутбук и, забросив все остальные игрушки, сел с ним в обнимку. Через два года мальчик влез в базу одной ну очень серьезной организации. Зачем он это проделал? Его мама не могла купить сыну новый мощный компьютер, а вот у одноклассника Гельфмана таковой имелся, да только Левушка еле-еле мог написать письмо и постоянно получал по информатике «два». Гельфман с трех лет посещал музыкальную школу, обожал свою скрипку, имел за плечами несколько побед на детских и юношеских конкурсах, собирався, получив аттестат, поступать в Консерваторию и впадал в ступор при виде любой техники. Да что там принтер-ксерокс-ноутбук, Лева паниковал при виде консервного ножа, он не умел им пользоваться. Мама – певица и папа – дирижер до дрожи боялись, что сын повредит руку, они не разрешали мальчику даже чаю себе самостоятельно налить. Родители помочь подростку с информатикой не могли, сия наука была за гранью понимания всех членов музыкальной семьи. Школьный педагог, поняв, с кем имеет дело, порекомендовал им Юру как репетитора. Но обучить Леву азам общения с умной машиной Шкатулкин не сумел, хотя очень старался. Один раз в порыве педагогического негодования Юра треснул Левушку по затылку толстенным сборником нот и обозвал дятлом.

– Сам ты дятел клавиатуры, – неожиданно обиделся неконфликтный скрипач, – только и умеешь, что ругаться и драться.

– Я умею все! – заявил Юра.

– Докажи, – потребовал Гельфман, – залезь туда, куда никто не проникал.

– На своем компе не могу, а на твоём легко, – в запале воскликнул Шкатулкин.

И выполнил свое обещание.

Спустя некоторое время в квартиру Гельфманов пришли очень вежливые мужчины в костюмах, рубашках с галстуками и ласково спросили у мальчика:

– Левушка! Ну-ка расскажи нам, дружок, как тебе удалось устроить у нас кадровую перестановку? Каким образом ты пробрался в отдел персонала и сделал одного не очень умного парня самым главным в учреждении? Да еще начислил ему зарплату круче, чем у министра?

Лева не хотел сдавать Юру, начал что-то врать. И тут отец-дирижер воскликнул:

– Не слушайте его. Сын калькулятором пользоваться не научился. Поговорите с его одноклассником Юрой.

Люди в костюмах не стали ругать Шкатулкина. История развивалась далее вовсе не так, как предполагала мать мальчика, когда увидела на пороге своей комнаты в коммуналке вежливых мужчин в костюмах и рубашках с галстуками. Юру вмиг перевели в лучшую школу, где основной упор был на компьютерное дело, физику, математику, потом он закончил МГУ и... оказался у Степана. Почему у Дмитриева? Об этом надо спросить людей в костюмах и рубашках с галстуками, которые вежливо попросили Степу взять Шкатулкина под свое крыло и выдать ему удостоверение обычного админа. Вот только наш админ порой исчезает куда-то на сутки-двое, а еще он может найти о человеке любую информацию. Один раз Степану понадобилось узнать, какая кошка жила в семье женщины, когда та ходила в детский садик. Задание казалось невыполнимым. Тетушке стукнуло семьдесят, во времена, когда она только собиралась пойти в школу, о компьютерах даже не слышали. Фото кисты никак не могло оказаться в сети. И, тем не менее, Юра откопал снимок отца объекта на даче, тот сидел в плетеном кресле, держа на руках серо-голубого котенка. Внизу была подпись: «Папа и Дымка. 1951 г. Переделкино».

– По поводу вашего приказа относительно авторства книги Арины Виоловой, – с места в карьер начал Юра, забыв поздороваться с Любой, – издательство «Форчунер» реально существует. Оно маленькое, его основал Никита Бовиков, владелец холдинга «Текст». «Форчунер» занимается выпуском поздравительных изданий. Допустим, Вилка хочет устроить сюрприз мужу и на его день рождения дарит ему гламурный журнал со снимком супруга на обложке. Внутри – детские фото, статьи друзей. Тираж – по количеству гостей. От десяти экземпляров. Можно заказать свою собственную книгу, а потом раздавать ее знакомым и считать себя писателем.

– Зачем Бовикову, который в день выпускает тьму наименований, такая контора? – удивилась я.

– У Никиты есть сын, двадцативосьмилетний Кирилл, – пустился в объяснения Шкатулкин, – представитель золотой молодежи с бриллиантовыми погонами. Куда только его папаша-олигарх ни пристраивал, он отовсюду вылетал! Вот добрый отец и придумал «Форчунер». Книгу Арины Виоловой там издали в одном экземпляре. И по просьбе клиента отправили ее с курьером Любови Сергеевне Рамкиной на дом. Заказчиком являлась Виола Ленинидовна Тараканова.

Наша посетительница побагровела.

– Значит, все-таки ты! А как убедительно сейчас изображала непричастность!

– Подождите, Люба, – попросил Степан. – Продолжай, Юра.

– Заказчица сама в офисе не показывалась, – забубнил Шкатулкин, – рукопись прислала по электронной почте, оплату сбросила на счет. Ни к чему не придиралась, выдвинула единственное условие: обложка книги должна повторять дизайн детективов Арины Виоловой.

– Вот здорово, – возмутилась я, – «Форчунер» не имел права этого делать, существует авторское право.

– Я сказал то же самое, – кивнул Юра, – а мне в ответ: «Да не станет писательница из-за одного жалкого экземпляра вонять, не десять же тысяч выпустили! И как она узнает? Подарят книжечку кому-то, и конец истории».

– Вот это настоящие бизнесмены, – восхитился Степан. – Интересно, господин Бовиков-старший в курсе, что господин Бовиков-младший творит?

– И я то же самое спросил, – обрадовался Шкатулкин, – а потом предложил: «Шепните мне на ушко емейл заказчика, с которого рукопись пришла, а я не сообщу писательнице о вашем поведении». С той стороны трубки громко икнули, и битте, вот адресок.

– Кто заказчик? – в нетерпении воскликнула я.

– Получив емейл, легко найти, на кого он зарегистрирован. Так вот, письмишко улетело из магазина компьютеров, – доложил Юра, – у них там для привлечения клиентов стоит несколько ноутбуков, с них можно письма отправлять. Обычно в точках продаж это невозможно, домены не подключены. Но владелец лавки решил таким образом заманить к себе побольше народа. Думал: зайдут, отправят письмо, что-нибудь купят. На мой взгляд, это глупо, сейчас у всех свои компы есть.

– Ну, предположим, не у всех, – возразила я, – у гастарбайтеров, наверное, у многих нет.

– Перестаньте спорить, – велел Степан, – нам все равно, почему лавка решила поставить ноуты. Адрес ее есть?

– Краснослобинская, дом тринадцать, помещение тринадцать.

– Надо туда съездить, – сказал Степа.

– Не надо, – ответил Шкатулкин, – они вчера закрылись. Прогорели. Вот не стоит снимать тринадцатое помещение в доме с тем же номером, тотально не повезет. Я бы на их месте поостерегся.

– Просто надо завести черного кота, – совершенно серьезно сказал Степан, – он нейтрализует все плохое.

– Правда? – удивился Шкатулкин. – Впервые об этом слышу.

– Ты еще молодой, – заявил начальник, пряча улыбку, – много чего не знаешь. Любовь Сергеевна, мы непременно разберемся, кто использовал имя Арины Виоловой. Это теперь и наше личное дело.

Глава 5

Примерно через час Степа, я и Юра сидели в кафе и обсуждали меню.

– Спагетти с белыми грибами в сливочном соусе, – обрадовалась я.

– Тысяча двести калорий. Дневная норма, – тихо сказал мужской голос.

Я удивилась.

– Степа! Ты озаботился количеством моей еды? По-твоему, я растолстела?

– В жизни не видел жирного комара, – рассмеялся муж. – С чем связан твой вопрос?

– Удивилась замечанию про калории, – пояснила я, – ранее ты никогда ничего подобного мне не говорил.

– Кто? – не понял Степа.

– Ты, – повторила я. – Я сказала: «Спагетти в сливочном соусе!» И услышала в ответ: «Тысяча двести калорий, дневная норма».

Муж изумился.

– Понятия не имею о калориях! Никогда их не считаю.

– Понимаешь теперь, почему я поразилась?

– Я не говорил ни слова, – возразил супруг, – молча меню читал. Наверное, Юрка решил подшутить. Вечно у него голова всякой лабудой забита. Эй! Ау! Шкатулкин!

Парень оторвался от ноутбука.

– Да? Что случилось?

Я махнула рукой.

– Ничего! Мы в кафе. Оторвись от экрана. И не пугай меня сообщением о...

– Слушай, в твоём классе было всего двадцать пять человек, – перебил меня Юра. – И тринадцать из них на данное время уже умерло, причем не своей смертью.

– В годы моего детства район, где я жила, считался весьма неблагонадежным, – вздохнула я, – бараки плюс пятиэтажки самой дешевой серии. В округе было несколько учебных заведений. Наше располагалось в центре микрорайона, который местные называли «гадюкинский квартал». Это было самое дно. Ниже падать некуда. У большинства ребят не было отцов, они спились, сидели на зонах, умерли от наркотиков, алкоголизма. Кое-кого воспитывали бабушки, потому что мамы, как, например, моя, сбежали из семьи или оказались там же, где и отцы. Милиция к нам во двор прикатывала несколько раз в день. Шесть домов стояло прямоугольником, внутри был двор. Что у нас там творилось по выходным и праздникам! Утром-днем тишина, только дети носятся. В районе шести вечера мужики садились играть в домино, пили пиво, куда втихаря от жен подливали водку... Часов в девять начиналась драка, стенка на стенку. Большинство баб сначала визжало, потом кидалось заступаться за своих. Конечно, не все жены так себя вели, и не все мужья напивались до зеленых чертей. Но алкоголиков и красавиц со скалками в руках было много. Вот моя тетка Раиса никогда ничего крепче чая не употребляла. Она очень не хотела, чтобы я училась в ближайшей школе, пыталась меня пристроить в другую, на проспекте. Но ей там сказали: «Мест, простите, нет». Директора других приличных очагов знаний тоже отказывались брать к себе учеников из «гадюкинского квартала», боялись, вдруг маленькая паршивая овечка все стадо испортит.

– А-а-а, – протянул Юра, – ясно. В живых из вас сейчас осталось двенадцать человек. Ты, Любовь Сергеевна... Послушай, а почему она у вас оказалась? Семья приличная, богатая. Родители легко могли отправить девочку в нормальную школу.

– Не знаю, – пожала я плечами, – никогда не думала на эту тему. И правда, странно. Гасконину могли устроить в английскую спецшколу. Хотя у нас, кроме Любы, было еще несколько детей из богатых семей. Я уже говорила про лучших подруг одноклассницы. Я тогда не задумывалась, почему они сидят с ней в одном классе, по какой причине их не отправили в школу на проспекте?

– Значит, так, – забормотал Юра, – яблоко от яблони далеко не падает, некоторые ребята пошли по стопам родителей, они увлеклись водкой, семеро попало на зоны. Результат: смерть от туберкулеза, алкоголизма, увечий, полученных в драках, от передозировки наркотиков. Итог: тринадцать покойников. Что с остальными? Про тебя и Любу мы знаем. Остается десять.

– Проверяешь наш класс? – уточнила я.

Шкатулкин попытался пригладить пятерней вечно торчащие вихры.

– Я рассудил так. Кого хотели дурацкой книгой уесть? Тебя или Любу? Быстренько проглядел содержание «романа», о Таракановой там нет ни слова, речь идет исключительно про семью Гасконовых. Автор утверждает, что они ни на миллиметр не дворяне. Самозванцы. Дед Любы носил фамилию Какашин.

– Не очень благозвучную, – хихикнул Степан.

– Во-во, – кивнул Юра, – и когда у Николая Сергеевича, напомним еще раз, это дед нашей Любы, родился сын, он записал его как Гасконина. Даже в советские годы разрешалось менять паспортные данные, если они звучали грубо или вызывали насмешки. Какашин из этого ряда. Себе Николай Сергеевич паспорт не исправил, так и умер с родительской фамилией, а сына решил избавить от издевок. Женился Сергей на Ксении Дрыгайноговой.

– Прямо невезение им с фамилиями, – засмеялся Степан, – «балерина Дрыгайногова» не самая удачная реклама на афише.

– Танцовщица стала Гаскониной, – продолжал Юра, – но не сразу. В смысле, замуж она не в ранней юности вышла. Сначала танцевала в театре, затем улетела в Мексику.

– Куда? – удивилась я.

– В Латинскую Америку, – уточнило наше компьютерное чудо, – Ксения там несколько лет работала, считалась звездой. Ее до небес превозносили, пресса от восторга заходилась. «Гениальная, потрясающая, божественная»... Вот уж не думал, что в советское время кто-то мог работать за границей. Кроме дипломатов.

– Всем не разрешалось, – уточнил Степан, – реши простая медсестра в Италии сиделкой при больной стать, ей бы никогда не разрешили. Но в посольствах, консульствах, торговых миссиях служат не только дипломаты. Там есть шоферы, горничные, уборщицы, повара, обслуживающий персонал. Открыты школы при дипмиссиях, учителя там из России. Да, ты прав. При коммунистах большая часть населения и не мечтала даже о турпоездках, не то что о службе в другой стране. Но деятели культуры находились в другом положении, их отпускали. Ксения вернулась в Москву, стала танцевать, но на родине ее уже так не расхваливали. Она вышла замуж, стала Гаскониной. Сцену она временно покинула, когда стала матерью. Между прочим, Люба родилась не сразу, не в первый год после свадьбы.

– Балерины часто оттягивают материнство, чтобы не бросать карьеру, – заметила я.

Юра схватил вилку с ножом и стал резать филе, которое ему только что принесла официантка.

– Может, и так! А может, были какие-то проблемы со здоровьем. Она ушла в декретный отпуск, потом вернулась. Много гастролировала, они с мужем вместе ездили по городам и весям, часто летали за границу. Потом Сергей Николаевич скончался от инфаркта. Сердечно-сосудистые проблемы часто бывают у дирижеров, они тратят очень много физических и нервных сил за пультом, кое-кто сгорает, как свеча. Да и много старше жены он был. Став вдовой, Ксения ушла работать в балетное училище, потом преподавала в частных школах танца. Сейчас она, наверное, сидит дома. Возраст не молодой, сведений о службе

никаких.

– Можно работать без оформления, – возразила я.

Юра закатил глаза.

– А то я не знаю! Конечно. Но пока я произвел малую разведку. Кстати, о работе в Мексике в книжонке нет ни слова. То ли автор не знал об этом, то ли не хотел о ней по каким-то причинам упоминать. Книга в основном о Любе. О ее родителях сказано не так уж много. Краткое содержание «романа» таково: Любовь Какашина-Дрыгайногова. Вот ее настоящая фамилия. К древнему роду Гаскониных она отношения не имеет. На худой конец ей надлежит зваться Гасконской. Отец ее потаскун, у Ксении почему-то на фото разная внешность. А Люба... И дальше льется понос на тетку! Злая, жадная, подлая, ленивая, бросила мать-инвалида. Сами почитайте! Вилка, отвечаю на вопрос, почему я полез изучать твоих одноклассников. Рассудил просто. На обложке указано имя Арина Виолова, и, по сообщению издательства «Форчунер», заказчицей единственного экземпляра пасквиля являлась Виола Ленинидовна Тараканова. Ваши с Любой имена в одной связке. Возникает вопрос, почему автор гнусной книжонки использовал Арину Виолову? Не обижайся, но есть писатели куда популярнее тебя.

Я начала наматывать на вилку спагетти.

– Зачем мне обижаться? Никогда не считала себя номером один на ниве женского детектива. Есть обожаемые мной Татьяна Полякова, Милада Смолякова, другие писатели, у которых и книг поболее, чем у меня, и тиражи намного выше. Я уверенно держусь на верхних позициях во втором эшелоне.

– Пожелай автор книги привлечь к ней внимание, ему следовало указать на обложке: «Милада Смолякова», – продолжал Шкатулкин, – у нее миллионы фанатов, они кинутся покупать все, что выйдет под ее фамилией: расписание электричек, инструкцию по ловле мышей и так далее. Но мы видим Арину Виолову. И о чем это нам говорит?

Юра отодвинул пустую тарелку.

– На страницах среди потока помоев, вороха сплетен, глупостей есть одна капля правды. И о ней известно только Виоле.

– Никакими тайнами Гасконица со мной никогда не делилась, – удивилась я. – Неужели ты не понял, что у нас не было даже тени нормальных отношений?

– Не обязательно дружить, чтобы узнать секрет другого человека, – возразил Степан. – Вполне вероятно, что ты случайно стала свидетельницей какого-то разговора.

– Или увидела фигню, которую никому показывать нельзя, – встрял в беседу Юра, – например, ты гуляла по набережной, а Люба в этот момент в реку труп сбрасывала. Ты не заметила, чем она занималась, и Гасконица полагала, что все шито-крыто проделала. А потом она читает в книге Виоловой: «Я вечером дышала свежим воздухом у реки, услышала всплеск и решила взглянуть, может, кто-то в воду упал, а там труп в красной кепке плывет». Понимаешь? Ты понятия не имеешь, что убийца Люба, а она думает: «Виола, мразь, откуда-то все узнала!» Понятно объяснил?

Я вздохнула.

– И как у тела, которое швырнули в реку, ухитрилась остаться на голове бейсболка?

– Ее гвоздиком прибили, – подсказал Степан.

– Это для примера, – еще сильнее оживился Шкатулкин, – Гасконица могла зарыть чемодан с расчлененкой.

– Это фантастические ситуации, не помню, чтобы видела в детстве в воде мертвеца или саквояж с частями тела. Но поняла, что ты имеешь в виду, – ответила я.

Степан кашлянул.

– Интересная версия. Значит, Люба предполагает, что Тараканова стала свидетельницей ее преступления, написала книгу, издала ее под псевдонимом

Арина Виолова, ей отправила, потом Гаскониная заявила к нам, притащила томик... Зачем? Смысл сего спектакля? Его цель?

– Точно выяснить: заметила Виола ее или нет, – отрапортовал Юра, – по мнению Любы, Тараканова прочитает опус и скажет ей: «Ух ты! Со мной такой же случай, как в романе, произошел! Стояла я на берегу, а по воде труп плывет».

– Дальше что? – не утихал Степа.

Юра провел ребром ладони по своей шее.

– Ну... она Вилку... того... самого. Кирдык, и ку-ку!

Я схватила со стола салфетку и сделала вид, что вытираю губы. Шкатулкин гениальный компьютерщик. А вот работа детектива не его конек, и психолог из него, как из меня великий математик!

Глава 6

– Уж больно мудрены твои размышления, – серьезно произнес Степан. – Прости, Юра, эта версия не очень убедительна. Но в ней есть рациональное зерно. Вилке надо внимательно изучить книгу, вдруг в ней обнаружится некий факт и станет понятно, кто ее автор. Возможно, он из числа ваших одноклассников.

– Вот почему я и стал их всех изучать, – перебил Дмитриева Юра, – вы мне договорить не дали. Вилка, ты с кем-нибудь из бывших одноклассников общаешься?

– Нет, – ответила я.

– Книгу обязательно прочитай, – велел Шкатулкин.

– Ладно, – ответила я, – хорошо хоть она толщиной не с Кутафью башню.

– Десерт желаете? – спросила официантка.

– Да, – ответила я, – сейчас меню посмотрю.

– Выбирайте, выбирайте, – улыбнулась девушка и отошла.

– Интересно, что вкуснее, – протянула я, – панакота? Или взбитые сливки с шоколадной крошкой?

– Восемьсот калорий, – тихо прошелестел мужской голос, – спагетти съедены. Количество еды на день закрыто. Совет: распределяйте рацион равномерно.

Я взглянула на Степу.

– Первый раз мне было смешно. Во второй не очень. Я вешу сорок пять кило. Зачем ты мне постоянно о диете напоминаешь?

– Сижу молча, – удивился Степа.

– Юра! Что за глупые шутки? – налетела я на парня.

Компьютерщик сидел, уставившись в ноутбук.

– Юра! – повторила я. – Ау! Очнись!

Шкатулкин перевел на меня взгляд, стало ясно, что он сейчас находится не с нами, а в какой-то иной, параллельной реальности.

– Когда? Где? Кто? Вилка, ты меня звала?

Я махнула рукой.

– Нет! Степа! Это ты меня разыгрываешь!

– Я бы придумал что-нибудь более оригинальное, – возразил муж и встал, – сейчас вернусь.

У Шкатулкина затрезвонил телефон.

– Кто там? – спросил Юра. – Ух ты! Давай.

К столику вернулась официантка.

– Выбрали десерт?

– Лучше панакоту, – решила я.

– Рацион сегодняшнего дня закрыт, – раздался мужской голос.

Я замерла. Степа ни при чем, он ушел в туалет.

Официантка повернулась к Юре.

– Думаете, у нас несвежее подают? Повар отличный, продукты свежайшие. В округе много кафе, ресторанчиков, если предлагать гостям плохую еду, то вмиг прогоришь. Может, где-то и кормят барахлом, но не у нас.

Юра тем временем продолжал говорить по телефону.

Официантка осеклась и повернулась ко мне.

– Он меня не слышит!

– Нет, – вздохнула я.

– На каком языке ваш муж беседует? – удивилась девушка.

– Юра мне не супруг, – пояснила я, – это компьютерное суахили. Его обычному человеку не понять.

– Кто тогда сейчас вам десерт есть запретил? – изумилась официантка. – Панакоту нести?

– Конечно, – ответила я, – самую большую порцию! А вы тоже слышали голос?

Девушка кивнула, улыбнулась и ушла.

Через пару секунд мне стали малы джинсы. На талии словно ремень затянули. Я незаметно расстегнула молнию, потерла рукой живот и нащупала пояс. И тут меня осенило, я схватила телефон.

– Аллоу, – пропело знакомое сопрано, – хотите приобрести аппарат «Волшебник»? Удачный день! Скидка пять процентов!

– Маргарита, Арина Виолова вас беспокоит, – сказала я.

– О-о-о! Добрый день, наше дорогое лицо, – обрадовалась Рита.

– Аппарат может беседовать с владельцем?

– Естественно! Он же вас стимулирует не нарушать диету. Инструкцию читали? Там все очень подробно описано.

Инструкцию? Я начинаю листать книжечки, которые приложены к любому электроприбору, только тогда, когда агрегат сломался. Мне и в голову не пришло изучить руководство по использованию «Волшебника». Зачем? Рита объяснила: носить его надо не снимая, мыться в душе с прибором на теле, работать по программе, которую для меня составит пояс, деньги заплатим вам вперед. Что еще надо?

– Вы не поняли пособие по эксплуатации? – не утихала Маргарита.

– Изучила его очень внимательно, – солгала я. – А как «Волшебник» узнал, что я есть собралась?

– У вас же на руке часы, – напомнила Рита, – то есть это не часы, просто внешне похожи. Специально так сделаны, чтобы внимания не привлекать. Типа время прибор измеряет. А на самом деле идет сканирование всего, чем вы занимаетесь, производится мгновенный подсчет: сколько энергии вы потратили,

какое количество еды необходимо для поддержания жизни. Все лишнее, что вы решили слопать, отсекается. «Волшебник» советует подопечному, как себя вести.

Я опешила. Значит, хитрый прибор является Аргусом[З - Аргус – в древнегреческой мифологии многоглазый великан, который никогда не спал, неусыпный страж.] того, кто решил потерять «бублики» вокруг талии, он прикидывается хронометром, чтобы любопытные не задавали вопросов: «Ой, что это у тебя на запястье?» А вот мужской голос с комментариями по поводу вашей еды, который могут слышать посторонние, почему-то не смутил создателей чудо-аппарата. Где логика?

– О-о-о, – протянула Маргарита, – вы поели спагетти со сливочным соусом. Мда! Рацион закрыт!

Я обомлела.

– Откуда вы знаете?

– В компьютере вижу.

– «Волшебник» передает информацию вам?

– Конечно! К каждому клиенту прикреплен менеджер, он готов в любой час дня и ночи ответить на ваши вопросы. Телефон личного консультанта вручается при покупке. А ваш советник – я.

– Очень приятно, – пробормотала я, – но мне не надо худеть. И вы мне обещали, что я просто буду носить пояс.

Маргарита замялась.

– Виолочка! Вы у нас лицо проекта. Ваша идеальная фигура мечта миллионов женщин.

Я решила остановить поток льстивых комплиментов.

– По условиям договора, я хожу в поясе, но он не включается.

– Его случайно активировали, – пропищала Маргарита, – человеческий фактор! Один сотрудник накосячил. Не переживайте, пожалуйста!

– Ясно, – пробормотала я, – давайте его выключим.

– Это невозможно, – прошептала Маргарита.

– Почему?

– Ну... э... понимаете... – начала заикаться генеральный директор рекламной фирмы, – это ...новейшее изобретение, ноу-хау нашего научного объединения, лидера по производству альтернативных медаппаратов. «Волшебник» только что вывели на рынок. Его, конечно, доработают! Непременно.

– Функция отключения не предусмотрена, – догадалась я, – о ней попросту забыли.

– Нет, нет, не предусмотрели при создании прекрасного, нужного...

– Ладно, – перебила я Риту, которая пела, как влюбленный соловей, – сейчас меня что-то сильно сдавило в талии. Очень мне некомфортно.

– Так понятно. Вы слопали макаронки и решили десертником их заполировать. Чтобы спагетти сжечь, вам надо сто пятьдесят два километра триста метров пройти. Тогда по нулям выйдет: сколько получили – столько истратили, – заверещала Маргарита, – вот «Волшебник» и напоминает: хватит жрать, пожалуйста!

– Отлично, – протянула я, – и долго мне предстоит пребывать в состоянии, когда я глубокий вдох не могу сделать?

– Пока калории не истратите. В вашем случае до завтрашнего обеда. У вас тут... э... О!!!

– Что?!!

– Активирована индивидуально-жесткая программа с применением активных мер в случае нарушения режима питания, – чуть слышно сообщила Маргарита, – э... э... ну... тут указано: вес подопечной сейчас сто сорок пять кило... «Волшебник» вам пояс в прямом смысле слова затянул! И он прав! Сто сорок пять кило... Это слишком...

– Бред!!! – возмутилась я. – Вешу на центнер меньше!

– Человеческий фактор! При введении параметров случайно единицу припечатали.

– Как снять пояс?

– Никак! По условиям контракта, вы не имеете права этого делать. Надо показать прессе, что вы реально его носите.

– По условиям контракта, вы не должны были включать «Волшебник», – парировала я, – и врать ему, что я вешу больше, чем три бегемота. Я забуду про ваш косяк, а вы сейчас быстренько расскажете, как расстегнуть пояс. Функция выключения отсутствует, но пояс должен сниматься.

– Необходим ключик. Аварийный.

– Отлично! – заливовала я. – Он, наверное, в пакете с инструкцией?

– Нет!

– Почему?

– Если вручить его клиенту, то он скоро проголодается, забудет о желании похудеть, стащит «Волшебник» и нажрется по уши. В целях шлифовки фигуры ключ клиенту не отдается.

– Но он есть?

– Да.

– Я приеду к вам через полчаса, снимите с меня свое изобретение, а перед встречей с журналистами вы опять его на меня наденете.

– Нет! Нет! Это нарушение контракта!

– Не я первая начала! Сейчас примчусь.

– Нет! Нет! Арина, то есть Виола, дорогая, любимая, не надо.

– Почему?

– Ну... э... э... ну...

– Что?

– Ключик в сейфе у владельца фирмы. Код только ему известен.

– Так спросите у него!

– Не могу! Он улетел в США.

– В Америке и мобильная связь, и Интернет есть.

– Он все отключил, – всхлипнула Рита, – это мой муж. Сказал: «Отдохнуть от всех хочу, от тебя в первую очередь!» И отрубился!

– Отлично! – вздохнула я. – А если кто-то из клиентов потребует пояс снять.

– Да у нас их... – начала Маргарита и тут же замолчала.

– У вас их нет! – догадалась я.

– Ну... э... э... ну... Да! Вы первая, – зачастила Марго. – Виолочка-Ариночка, сейчас, сейчас, сейчас все объясню.

Я молча слушала Риту, а та выкладывала информацию, о которой предусмотрительно умолчала, когда обсуждался договор.

Глава 7

Муж Риты очень богат. Она долго сидела дома, ничего не делала. Детей у них нет, на кошек-собак у супруга аллергия. Пока олигарх ворочал бизнесом, Рита готовила, убирала в доме, вязала, летом выращивала цветы, завела огород. Сначала она чувствовала себя счастливой, но с годами под вечер на Маргариту стала нападать тоска, и тогда она звонила трем своим стародавним подругам и лила слезы о безрадостной жизни. Сначала приятельницы ей сочувствовали, потом замолчали, затем сказали:

– Дорогая, ты с жиру бесишься. Некогда нам про твои придуманные горести слушать. Нам в шесть утра на работу вставать, вечером домой лететь, уроки с детьми делать, готовить, убирать, а службу ненавистную бросить не можем, потому как ипотека на шее висит и мужа-олигарха не имеем. Отстань!

Рита осталась без подруг, совсем скисла, потом открыла для себя мир Инстаграма, начала выкладывать фото дома, сада, огорода. Наивная женщина ожидала людских похвал, восторгов по поводу цветов, овощей, надеялась найти друзей. Но в аккаунт полились желчные, злобные комментарии. Маргарита порыдала над ними, решила покинуть интернет-пространство. И тут ей в аккаунт прилетело сообщение от Игоря Кравченко, который придумал чудо-пояс для потери веса. Игорь предложил Рите работать в паре, он будет обеспечивать научно-техническую часть, а Богданова займется рекламой и вложит в создание «Волшебника» деньги.

Рита помчалась к мужу. Тот обрадовался, что она перестала жаловаться на свою тягостную жизнь, и сказал:

– Хорошо. Открою для тебя рекламную фирму. Дам денег для производства «Волшебника». Но я буду ее владельцем, а ты – генеральным директором.

Первую партию поясов, сто штук, сейчас изготавливают на заводе. Рита прочитала книгу, которую советовали в Интернете, почувствовала себя профессором по рекламе и объявила супругу:

– Надо работать на опережение. Найдем звезду, она нас отпиарит, народ захочет приобрести похудательную феньку, разнесет в ажиотаже наш офис.

– Я хозяин только на бумаге, заниматься делами не намерен, агентство твое, вот и рули, как хочешь, я устал очень, никого видеть не желаю, тебя в первую очередь, – отмахнулся муж и улетел в США, предусмотрительно обрубив все средства связи.

Пояс пока существует в единственном экземпляре. Его можно расстегнуть с помощью ключа, который, как вы догадываетесь, тоже один. Чтобы не потерять его, Рита предусмотрительно попросила супруга спрятать ключ дома в сейф. Код от железного ящика она не знает, муж пароль хранит пуще ока. И вот теперь олигарх за океаном, связаться с ним невозможно.

– Ариночка-Виолочка, – пела Рита, – вы так популярны, мегаизвестны...

Я продолжала слушать вкрадчивый голос владелицы рекламного агентства, но думала о своем.

Пояс не отключается, снять его без кода невозможно. Деньги я получила и уже спланировала, что на них куплю. Мне просто ни направо, ни налево не свернуть. Надо идти прямо.

– Ладно, – остановила я Риту, – придется потерпеть до возвращения вашего мужа.

– Вы солнышко, кошечка, ангел, помидорчик сладкий, ананасик сочный, – принялась нахваливать меня Богданова, – до свидания, звоните, как только понадобится.

Я положила трубку на стол, поманила официантку, потом спохватилась, замотала салфеткой запястье и еле слышно произнесла:

– Маскарпоне, пожалуйста.

– У нас его в меню нет, – громко заявила девушка.

– Тише, – испугалась я.

– Вроде никто не спит, – удивилась официантка.

– Извините, я ошиблась. Принесите панакоту.

– Рацион закрыт, – каркнул мужской голос.

Я живо укутала ту же руку во вторую салфетку.

– С какими ягодами? – увеличила громкость звука непонятливая девица.

– Все равно, – прошептала я.

– Есть справка на Гасконину, предлагаю именовать ее по девичьей фамилии, а то мы запутаемся, – воскликнул Юра. – Хотите послушать?

– Начинай, – велел Степан, который успел вернуться из туалета и сел за стол.

– Она поздний ребенок, – начал Юра. – После школы поступила на журфак, не МГУ, азы профессии осваивала заочно в ныне не существующем вузе в городе Марковске.

– Где? – удивилась я.

– У юной красавицы в школьном аттестате не было ни одной четверки, – пояснил Юра.

– Отличница? – удивился Степан. – Почему ей медаль не дали?

– Люба училась на двойки, – вздохнула я. – Но ей по всем предметам натягивали тройки. Когда человек говорит: «У меня в школьном дневнике ни одной четверки

нет», это не означает, что там пятерки. Вероятны тройки!

– С такими оценками нет шансов попасть в приличный вуз, – продолжал Юра, – вот недорослицу и пристроили куда подальше на заочное. К диплому о получении высшего образования прилагается вкладыш с отметками. Но его никто никогда не смотрит. Важны только корочки, все остальное пустяки.

– Студенту-заочнику надо работать, где она служила? – уточнил Степан.

– Внештатным корреспондентом в многотиражной газете при заводе «ЗИЛ», – ответил Юра.

– Скорей всего, сидела дома, – решил Степа, – добрый папенька попросил какого-нибудь приятеля оформить дочь на службу.

– На пятом курсе вышла замуж за Николая Петрова, сменила фамилию, – продолжал отчет Шкатулкин, – развелась через четыре месяца. Потом новый брак, тоже неудачный, с Владиславом Солнцевым. Правда, на этот раз союз просуществовал год. Затем попытки построить семью с Игорем Волгиным, Андреем Готовым и, наконец, с Антоном Рамкиным.

– Согласен с тобой, – остановил компьютерщика Степан, – даму лучше именовать по девичьей фамилии. Иначе голову сломаем. И где ее мужья?

– Петров удачно женился на итальянке, живет на Сицилии, владеет рестораном, – стал докладывать Юра, – Солнцев и Рамкин умерли. Первый пил, второй ушел из жизни от тяжелой болезни. Волгин перебрался в Краснодар, он обеспеченный человек, торгует продуктами. Готов живет в Израиле, владеет агентством по устройству праздников. Все бывшие супруги, кто жив, женаты, имеют детей, обеспечены. Думаю, они об ошибке молодости по имени Люба давно забыли. Брачный марафон Гаскониной начала в последний год обучения в вузе и закончила в двадцать семь лет. Она давно свободна. Отец Любы скончался, мать жива. У семьи Гасконовых ранее была роскошная, по нашим временам, очень дорогая квартира в самом центре. Дирижеру и балерине принадлежал целиком третий этаж. Когда-то они объединили две «трешки». Потом Люба и Ксения Петровна разъехались. Дочь поселилась в больших хоромах на Старом Арбате. Маменька укатила в Соловьиную рощу.

– Это где? – уточнил Степан.

– На Кудыкиной горе, – хмыкнул Шкатулкин, – московские задворки, сразу за МКАД.

– Доченька лучше устроилась, – ехидно заметила я.

– Пожилому человеку хорошо на окраине, там зелено. В центре Москвы полно машин, – возразил Дмитриев, – выхлопные газы не лучший кислород.

– Работала Гаскониная в множестве мест, – продолжал Шкатулкин, – референтом, как правило. Но ее живо увольняли. Сейчас она, как мы уже знаем, владелица совсем непопулярного журнала в сети.

– И на какие средства она существует? – любопытствовал Степан.

Шкатулкин скорчил гримасу.

– Не отвечу. Судя по налогам, она нищая. Но люди частенько прячут свои доходы от мытарей.

– Кто, по твоему мнению, может таить зло на Любу? – спросил Дмитриев.

– Да много народа, – доложил Юра, – мужчины бывших недолюбливают, у них новые жены есть, те свою предшественницу редко обожают. С мамашей она разъехалась. Почему? Если с родительницей хорошие отношения, не станешь с ней жить врозь.

– Ну, тут ты не прав, – возразил Степан, – некоторые маменьки житья никому не дают.

– Так я про хорошие отношения сказал, – возразил Юра. – Что-то у них с Ксенией вкривь пошло, а не о том, что Люба в размене жилья виновата. О, десертник.

Передо мной тоже появилась вазочка с панакотой, я взяла ложку.

– Квартиру они разменяли, поселились в разных концах Москвы, – рассуждал дальше Шкатулкин, – друг до друга им полтора часа даже на метро ехать. Если дружишь с матерью, то поближе к ней устроишься. Жизнь обычно людям перья выщипывает, гонор сбивает. Но Любовь Сергеевна на меня произвела впечатление не самой доброй и ласковой. Характер у нее, похоже, резкий. Такие люди легко врагов наживают. И с родителями часто не ладят.

Через полчаса мы вернулись в офис. Я взяла книгу, удалилась в пустую переговорную, села в кресло и начала читать. Повестушка оказалась весьма нелицеприятной. Как вам фраза: «Люба Гасконская, которая незаконно носит фамилию Гасконины, в детстве была на редкость противной девчонкой». И чем дольше я изучала опус, тем сильнее удивлялась. Когда через час ко мне заглянул Степан, я плавала в море изумления.

– Что не так? – спросил Дмитриев. – Сплошная ложь? Поклеп? По словам автора, Гасконины ест на завтрак котят в кляре? Ты еще долго этим шедевром собираешься наслаждаться?

– За секунду до твоего прихода я закончила, – ответила я. – Последний абзац данного произведения прекрасен: «Все, что Любовь Гасконины в своей жизни делала, – тупо, глупо, нелепо, подло, гадко. И все дальнейшее, что Любовь Гасконины в своей жизни сделает, окажется тупо, глупо, нелепо, подло, гадко, потому что Любовь Гасконины – вечный двигатель маразма».

– Сильно, – покачал головой Степа. – Что-то тебя зацепило?

– Да, – ответила я. – Возникли вопросы.

– Выкладывай, – скомандовал Степан.

Глава 8

– Первый вопрос, – начала я. – Перед нами роман или автобиографическая повесть? В первом случае писатель спокойно может переплести правду с ложью. Обидел его кто-то из знакомых, писатель сделал вид, что ни на йоту не

огорчился. А потом выпустил опус, где дружок выведен омерзительным типом. Имя, фамилию, естественно, дал другие, массовый читатель ничего не понял. Но члены семьи, друзья, вот они живо скумекали, о ком речь. В сюжет автор вплел мелкие детали, случаи из жизни, которые ясно дают понять близким, кто подразумевается под фамилией Иванов. Но у нас имя сохранено: Люба Гасконина, правда, автор упорно именует ее Гасконской, он с упоением сообщил про Какашина, обвинил деда Любы в присвоении дворянской фамилии. В книге четко сказано: Люба Гасконская, по документам Гасконина. Следовательно, это биографическая повестушка. И писатель приводит такие детали, которые никто, кроме самих участников событий, не знает. Беременность Ксении Петровны...

Я остановилась глотнуть воды.

– Что не так? – поинтересовался Степа.

– Рассказано, как супруги мечтали о детях, а они никак не получались, – продолжала я. – Вот, слушай отрывок. «Ксении Петровне прописали гормональные препараты. Ничего не помогло.

– Почему я никак не забеременею? – плакала пациентка.

– Случается такое, – пояснил врач, – Господь детей не дает. Вы сделали все, что в человеческих силах. Предприняли массу попыток, но результата нет. Иногда необходимо смириться с тем, что не каждое твоё желание исполняется. Не всегда выходит так, как мечтается. Возьмите ребенка из приюта. Вероятно, Господь от вас именно этого ждет.

– Бога нет, – отрезал атеист Сергей Николаевич, – это все поповские выдумки, чтобы с людей денег содрать. Мы с женой верим в искусство и в науку. Непременно найдем того, кто нам поможет.

– Воспитывать чужого ребенка? – возмутилась балерина. – Хорошие люди младенца в роддоме не оставят. Отказники дети наркоманов, алкоголиков, проституток, цыган, воров. Дурные наклонности непременно вылезут в ребенке. Что вы нам советуете? Взять в детдоме свое горе? Будем с ним возиться, отдадим ему самое лучшее, а в пятнадцать лет тот, кого будем считать сыном, кого-нибудь убьет. И позор падет на наши головы».

Я отложила книгу.

– Кто, кроме врача и самих Гасконовых, мог знать подробности сей беседы? Навряд ли супружеская пара прихватила с собой к доктору на прием парочку приятелей.

– Друзей точно не было, – согласился Степа, – а вот медсестра могла сидеть в кабинете. Иногда помещение, в котором врач принимает пациента, соседствует с процедурной. Они соединены дверью, если ее неплотно прикрыть, то больной, который ждет каких-то манипуляций, может стать незримым свидетелем приватной беседы.

– Хорошо, – кивнула я, – пусть так. Хотя много вопросов возникает. Как тот больной понял, что в кабинете именно Гасконовы?

Степан погладил меня по голове.

– Вилка! Ну почему ты решила, что автор четко решил соблюсти жанр? Биография или роман? Вопрос уместный, если писатель приносит в солидное издательство толстую рукопись. Редактор ее прочитает, спросит: «Сюжет выдумка? Или вы с документами работали?» А у нас брошюрка! Один экземпляр. Автор наваял текстуху в жанре лживо-правдиво-фантастической биографии. Одно придумал, второе правда, третье наполовину фантазия, автор вранье с реальностью смешал, и пейте компот. Кстати, это излюбленный прием желтой прессы. О нем еще Геббельс говорил. Главный пропагандист фашистской Германии советовал взять каплю истины, о которой всем известно, смешать ее с тонной нужного тебе вранья, напечатать в газетах, и... народ поверит всей информации.

– Ладно, пусть ты прав, – согласилась я, – но послушай еще один отрывок.

Я откашлялась и принялась читать:

«– Ты отвратительна, – кричала Ксения, – ни один муж рядом с истеричкой не удержался. Всех мужей оттолкнула! Отпугнула своим эгоизмом. Любишь только себя. Я заболела, а дочь чашки чая мне не принесла. Супа не сварила. Почему ты такая холодная, злая, вредная выросла?

– Потому что меня так воспитали, – огрызнулась Люба, – я в родителей. Мать, отелки не родятся бананы».

Я посмотрела на мужа.

– Чудесная сцена. Если проанализировать все содержание, то возникает образ законченной эгоистки, которая думает исключительно о себе, о своем комфорте. Люба лентяйка, терпеть не может домашнее хозяйство. Когда Ксения Петровна заболела, дочь быстро разменяла гигантскую квартиру, себе купила просторные хоромы в центре, а мать отправила на выселки. Мотивация ее поступка проста, как полено: мама вот-вот умрет, а у нее есть родственники-нищевроды. Они тоже наследники, заявят свои права, начнется дележка. Любе достанутся не все родительские апартаменты, а только часть. Пусть и самая большая, но кусок-то меньше целого. Дочка приехала к матери в больницу и предложила ей...

Я взяла книгу.

– Слушай.

«– Подари мне квартиру!

– Нет.

– Жалко, да?

– Доченька, я очень тебя люблю.

– Сто раз это слышала. Одни слова. Как до дела доходит, ты в кусты.

– Мы живем вместе, неважно, кто владелец жилья.

– Ха! Когда ты умрешь...

– Люба!

– Что?

– Я жива!

– Люди смертны.

– Но я пока на тот свет не собираюсь.

– Тебе просто правды не сообщили. Врачи соврать решили.

– Боже! Что со мной?

– Хочешь знать истину?

– Да.

– У тебя онкология!

– Нет!

– Да. Больше года ты не протянешь.

– Хирург сказал, что у меня сломана шейка бедра, мне поставят протез, новый сустав. И полный порядок.

– Мать! Эти слова часть правды. Перелом есть, тебе сделают операцию, и все будет в порядке – это истина. Но тебе не объяснили, что кость разрушилась не потому, что ты упала. Наоборот.

– Как? Не понимаю, – прошептала балерина.

– Ты грохнулась по причине перелома изъеденной раком кости. И полный порядок наступит через несколько месяцев, – вкрадчиво говорила Люба. – Если слова о любви ко мне правда, то вспомни о Галине, нищете рваной, и ее дочери.

– Мы давным-давно не общаемся.

– Да просто тетя Галя с тобой не желает дела иметь.

– С чего ты это взяла?

– Почему вы отношений не поддерживаете?

– Сложно в двух словах...

– Я не ограничиваю твое время. Говори.

– Когда Сергей женился на мне, Галина не смогла сдержать зависти. Я была счастлива в браке, а у нее дочь от алкоголика. Галина стала мне хамить, устраивала скандалы. Пришлось взять в отношениях паузу.

– А у меня другие сведения. Отец сначала ухаживал за Галиной, а ты его у сестры отбила.

– Чушь! Просто Сережа воспитанный, интеллигентный человек, приходя в гости, всегда приносил два букета. Галя получала от него цветы из вежливости. Она, глупая от природы, решила, что является невестой Сергея. Неприятно вспоминать.

– Имей в виду, после твоей смерти Галина с дочуркой Настей заявят права на наследство, нашу квартиру придется делить.

– Как? Почему? Она же только наша! Галина и уж тем более Анастасия ни малейшего отношения к жилью не имеют.

– После того как ты умрешь, они тоже станут наследниками. А вот если составишь дарственную на мое имя, фига им обломится.

– Не знала, что все так сложится.

– Теперь ты в курсе. И?

– Я подумаю.

– Времени нет.

– В смысле?

– Завтра в полдень тебя оперируют.

– Да.

– Вдруг ты на столе умрешь?

– Люба!

– Мать, я всегда говорю правду. Без лукавства. Никогда не вру. В твоем состоянии риск очень высок. Уж реши, любишь ты меня?

– Да! Больше жизни.

Люба рассмеялась.

– Приятные слова. Осталось подтвердить их делом. Отдать мне жилплощадь, чтобы другим не досталась. Ну! Да? Нет? Скажи, и я сразу пойму, как ты ко мне относишься.

– Хорошо.

– Ты согласна?

– Да, только сейчас уже восемь вечера. Никто не работает. Как мне в город поехать? Сидеть я не могу, идти тем более.

– Нет проблем, мама. Нотариус ждет в коридоре».

Я захлопнула книгу.

– Далее зачитывать не хочется, сообщу, как развивались события. Больше Люба к матери в больницу не приходила. Ни разу не навестила ее. Апартаменты она сразу продала, себе купила прекрасную квартиру в соседнем доме с тем, где

детство-юность провела. А мать туда, куда Баба-яга не залетала, отправила. Все-таки процитирую еще один отрывок из книжонки: «При выписке из больницы врач отдал Гаскониной-старшей медицинские документы. Ксения спросила:

– Мне теперь к онкологу?

– Зачем? – удивился врач.

– Так я же больна раком, – вздохнула Ксения.

– Откуда вы взяли этот бред?

– Сами моей дочери правду сообщили, а она ее мне передала. Скажите честно: сколько мне осталось?

– Понятия не имею. Лет сорок, пятьдесят. Вы в прекрасной форме, операция прошла успешно. Разрабатывайте ногу, не ленитесь, тогда не будете хромать, – сказал хирург, – рака у вас никогда не было.

– Но дочь!..

– Я с ней не встречался.

– Она рассказала, что... А-а-а! Наверное, Люба общалась с вашим коллегой.

– У нас каждый ведет своих больных. Чужих не касается».

Я встала, подошла к окну и открыла его.

– Душно тут. Далее Ксения Петровна разоткровенничалась с хирургом, рассказала ему про размен квартиры. Врач мрачно процитировал фразу из романа Булгакова «Мастер и Маргарита»: «...обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их». И Ксения поняла: ее обманули, дочь просто хотела жить одна, без нее, и решила проблему. С той поры, по утверждению автора, она с Любой не виделась.

– Сказать нечего, – поморщился Степа, – попадались мне на жизненном пути разные люди. Некоторые родителей ненавидели. Но Любовь Сергеевна отдельный экземпляр.

– Понимаешь важность последнего отрывка, который я процитировала? – спросила я. – Что в нем главное?

– Ты прямо как Инна Герасимовна, учительница немецкого, – засмеялся муж, – любила она меня к доске вызывать, помариновать там, спросить: «Какая основная мысль в рассказе про мальчика Ганса?» Двойку нарисовать, и свободен.

Я отошла от окна.

– В момент беседы Ксении с врачом, когда мать сообразила, что обожаемая ею Любочка очень жестока, она ей легко соврала про рак, ничего, кроме денег, дочурку не волнует, в этот час кто присутствовал при разговоре?

– Доктор и больная, – протянул Степа. – Я понял, куда ты клонишь. Что книгу написала Ксения Петровна. Но...

– Только не говори про медсестру, которая сидела в кабинете или затаилась в соседнем помещении, – предупредила я.

– Я хотел сказать другое. Зачем Ксении позорить дочь? – спросил Степан.

Я потерла живот.

– Матерям тоже свойственны обидчивость и мстительность. Думаю, балерина не ставила целью опозорить дочь.

Степан поднял бровь.

– Написав этот пасквиль? Любовь утверждает, что все ложь.

– Возможно, мать и присочинила некоторые детали, – вздохнула я, – или по истечении лет у нее память ослабла. Но обрати внимание. Издан всего один экземпляр. Люба есть в соцсетях?

– Конечно, – кивнул Степан, – почти во всех присутствует, похвастаться миллионами подписчиков не может, если суммировать читателей, у нее их около пятисот.

Я села рядом с мужем.

– Что мешает Ксении подписаться на всех и транслировать им правду про дочь? Или выпустить, например, сто экземпляров книги и отправить ее... да хоть бывшим одноклассникам своей дочери?

– Вспомни, сколько лет балерине, – остановил меня супруг, – небось она ничего про Интернет не слышала.

– Вот не надо делать из людей пожилого возраста дураков, – остановила я Степу, – пенсионеры активные пользователи сайтов, которые посвящены саду-огороду, кулинарии, воспитанию внуков, культурным мероприятиям, здоровью, физкультуре. Там очень активная жизнь идет. И, если мы предполагаем, что книгу написала Ксения, то она ее по емейлу и прислала в издательство.

– Или у нее есть помощник. Надо поговорить с госпожой Гаскониной-старшей, – подытожил Степа.

Глава 9

Вечером, сев на кровать, я услышала голос:

– Съедено на шестьсот калорий больше. Нарушение диеты.

– Ну и приятного мне аппетита, – хихикнула я.

– Штрафная санкция двести приседаний, – продолжил тенор.

Я зевнула.

– Отличная идея, спокойной ночи.

– С кем ты беседуешь? – поинтересовался Степан, отрываясь от книги.

– Болтаю с поясом «Волшебник», – развеселилась я, – он меня упрекает в обжорстве. Предлагает заняться приседаниями.

Степа положил томик возле лампы.

– Сейчас?

– Да. Глупая идея, – закричала я, легла под одеяло, вытянула ноги, вздохнула, пробормотала: – Спокойной ночи, – и услышала храп супруга.

Степа засыпает, как будто в воду падает. Секунду назад он с вами разговаривал, и, хоп, словно его выключили. А когда супруг захрапел, разбудить его почти невозможно. С одной стороны, это очень удобно. Я могу смотреть телевизор, болтать по телефону, слушать музыку, муж даже не пошевелится. С другой... Мне не хочется смотреть романтическую комедию одной. Я тихонечко толкнула Степана.

– Милый!

– Хр-р-р, – донеслось в ответ.

Я вздохнула, легла на бок и... получила очень болезненный щипок за бок.

– Эй, – воскликнула я и повернулась к супругу, – ты что?

– Хр-р-р.

– Перестань прикидываться, – велела я, – с какой стати ты решил щипаться? Теперь синяк будет.

– Хр-р-р.

Я потрясла мужа.

– Не старайся! Не верю.

– Штрафные санкции. Двести приседаний, – объявил голос.

– Вот только тебя не хватало, – вздохнула я, – спи спокойно, дорогой пояс.

В ту же секунду невидимые пальцы стали интенсивно дергать меня за кожу в районе талии. Понадобилось совсем немного времени, чтобы сообразить: Степа тут ни при чем. Щипок – работа озверевшего «Волшебника».

– Штрафная санкция двести приседаний, штрафная санкция двести приседаний, – монотонно бубнил голос.

С каждым повторением мне делалось все больнее и больнее. Я вскочила с постели, схватила телефон и, забыв о воспитании, позвонила Маргарите за полночь.

– Виолочка, как дела, – прикинулась сладкой мармеладкой дама, – помните, что у нас завтра пресс-конференция?

Я взвизгнула.

– Что стряслось? – испугалась Рита. – Вы заболели?

– Штрафная санкция двести приседаний, – в очередной раз объявил пояс.

– Слышали? – простонала я.

– Ну... э... э... ну...

– Я хочу спать, а он щиплется, – пожаловалась я.

– Десерт слопали, – пролепетала Маргарита.

– И что? Ой! Ой! – подпрыгнула я. – Больно-то как!

– Ариночка-Виолочка... ну... э... э... ну...

– Говорите правду, – потребовала я.

– Начинайте приседать!

– Ночью?

– Штрафные санкции всегда вводятся после полуночи.

– Бред! – возмутилась я.

Маргарита возразила:

– Наоборот. Тонкий психологический расчет. Пояс не отстанет, пока вы не выполните составленную им программу. Она точно рассчитана на сжигание лишней энергии. Попрыгаете, побегаετε пару ночей. А потом, когда после сытного обеда лапка за пирожным потянется, вы вспомните, что вам за пару минут удовольствия придется ночью потеть, и не возьмете десерт.

– В договоре указано: пояс не включается! Ой! – взвизгнула я.

– Виолочка-Ариночка, лапочка-кошечка, вы же знаете, что произошла накладка, – заныла Рита, – приседайте, моя розочка-мимозочка. Выполните программу, пояс отстанет. Он исключительно для красоты вашей старается.

– Я вешу сорок пять кило и не ставила перед собой задачу превратиться в лыжную палку, – простонала я, швырнула телефон на кровать и... стала приседать.

На пятнадцатом упражнении заболели колени, на тридцатом попа, на сороковом почему-то заломило руки. Это меня удивило, рукам-то по какой причине хандрить? Работают же ноги! Через секунду пришло понимание: руки тоже участвуют в процессе, я держусь ими за спинку кровати. Отсчитав «сто», я чуть не свалилась и решила лечь в кровать. Но подлый «Волшебник» не дремал, он с

особой жестокостью ущипнул меня за талию.

– Штрафные санкции. Сто приседаний.

Пришлось сползать с кровати и продолжать. Произнеся «двести», я плюхнулась прямо на пол. Ноги тряслись, руки дрожали, спину сводило судорогой, голова не держалась на шее.

– Пять минут отдыха, – объявил голос.

Я встрепенулась.

– Эй! Я выполнила программу.

Понятное дело, никто не ответил. Я вновь позвонила Рите.

– Ариночка-лапочка, – ласково произнесла та, – что не так? Вы поприседали?

– Да, – простонала я, – хотела лечь спать, а он сказал: «Пять минут отдыха».

– Ну... э... э... ну...

– Рита!!! Не мямлите! Говорите откровенно.

– Понимаете... ну... э... э... ну... он составил программу.

– Приседания это еще не все?

– Ну... э... э... ну...

– Рита!

– Да! То есть нет! В смысле, да, я Рита. И нет, не все.

– Километр кролем, – отчеканил «Волшебник».

Я потрясла головой.

– Маргарита! Не понимаю, при чем здесь кролик? Где его взять? И я не поняла про километр! Надо нести животное тысячу метров? Куда? Пояс определенно рехнулся.

– Виолочка-солнышко-Ариночка-звездочка, речь идет о кроле, стиле плавания. Надо тысячу метров по воде преодолеть.

С меня разом слетел сон.

– Отличная идея. Жду подсказки, где найти море, океан? Напоминаю: я живу в Москве.

– В столице полно бассейнов, – заикнулась Маргарита.

– Час ночи, – отрезала я. – Прикажете искать круглосуточный фитнес? Ой!

– Опять щиплется, бедняжка, – лицемерно пожалела меня Рита.

– Нет. Теперь он иголки втыкает, – простонала я. – Что делать?

– Не расстраивайтесь!

Я потеряла самообладание.

– Чудесный совет. Его, как правило, дают продавцы, когда для покупателя нет нужного размера одежды. Ой-ой!

– Садитесь в ванну и бултыхайте руками и ногами, – посоветовала Маргарита.

– И как долго в воде сидеть?

– Километр.

– Спасибо. Это мера длины. Я интересовалась временем.

– «Волшебник» сам подскажет.

По моей пояснице прокатился еж с раскаленными иголками.

– Мама! – взвизгнула я.

– Скажите ему: альтернативный вариант. Ой, я только сейчас о нем вспомнила, – зачастила Рита.

– Альтернативный вариант, – засопела я.

Послышалось мелодичное позвякивание.

– Принято. Коррекция программы в связи с пожеланиями заказчика.

– Сработало! – заликовала я.

Глава 10

Когда прошло пять минут, я решила, что «Волшебник» забыл про меня, легла в кровать, вытянулась, и тут раздался знакомый до тошноты тенор:

– Штрафные санкции. Альтернативная программа. Тысяча прыжков через скакалку.

Я вцепилась в телефон.

– Рита!

– Слушаю, Ариночка-душенька, Виолочка-ягодка, – пропела Маргарита.

– В качестве замены плаванию мне предложено прыгать.

– Видите, как хорошо, – обрадовалась тетка, – никуда ехать не надо, бассейн искать не требуется.

– Отлично прямо, – протянула я, – маленькая деталь: скакалки у меня нет.

– Пустяк, – засмеялась собеседница, – подойдет любая вещь. Пояс от платья, халата, ремень для брюк.

– Ой! – взвизгнула я.

– Что сейчас «Волшебник» делает? – полюбопытствовала Маргарита.

– А то вы не знаете, – прокричала я.

– Про санкции во время альтернативного наказания не знаю, – призналась пиарщица, – вы первая испытательница, наша любимая первопроходица, прямо как Амундсен[4 - Амундсен Руаль (1872–1928) – норвежский полярный исследователь. Первый человек, который достиг Южного полюса (1911). Предположительно, погиб в Баренцевом море.]

– Жжется крапивой, – скороговоркой ответила я, ринулась в гардеробную, начала искать пояса и почти сразу увидела: их нет.

Объем моей талии пятьдесят девять сантиметров, а если утягивать, то получится меньше. Пояса у меня совсем небольшие, прыгать через них невозможно. Халаты я терпеть не могу, дома ношу пижамки или легкие брюки с майкой. Степан тоже не толстый, и он почему-то не пользуется ремнями.

Тихо ойкая, я продолжала рыться в гардеробной, в голову лезли идеи, одна фантастичнее другой. Связать несколько кухонных полотенец? Скрутить простыню? «Волшебник» тем временем окончательно озверел и безостановочно твердил:

– Альтернативная программа.

Каждое высказывание сопровождалось прикладыванием ко мне крапивы. Понятное дело, ее не было, уж не знаю, каким образом мерзкий прибор

добивался эффекта жжения.

Через некоторое время мне вдруг пришла в голову гениальная мысль: разрезать и снять отвратительное изобретение и спокойно заснуть. И почему я сразу до этого не додумалась?

Я помчалась на кухню, схватила ножницы, но не смогла засунуть ни одно лезвие под полоску, она словно приросла к телу. Ножи, включая пилу для хлеба, не оставили на поясе даже крошечной царапины.

Проклиная себя за жадность, которая затмила мне глаза и отправила меня в рекламное агентство, я нашла инструкцию, впервые открыла ее, пропустила первые сорок страниц, где говорилось об уникальности и действенности изобретения, и добралась до раздела «Эксплуатация». Он состоял из пары абзацев.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

К. Д. Флавицкий, картина «Княжна Тараканова», год написания 1864-й.

2

Франсиско Гойя, испанский художник и гравер (1746–1828). «Капричос» – серия офортов, сатира на разные темы. Офорт № 55 «До самой смерти» изображает старуху, которая прихорашивается у зеркала.

3

Аргус – в древнегреческой мифологии многоглазый великан, который никогда не спал, неусыпный страж.

4

Амундсен Руаль (1872–1928) – норвежский полярный исследователь. Первый человек, который достиг Южного полюса (1911). Предположительно, погиб в Баренцевом море.

Купить: <https://tellnovel.com/darya-doncova/vechnyy-dvigatel-marazma>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)